E 62/216

РАЗКАЗЪ РУССКАГО
ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Е 62
216

СЪ ПОРТРЕТОМЪ

ОСИПА ИВАНОВИЧА

КОММИСАРОВА-КОСТРОМСКАГО.

МОСКВА.
1866.

РАЗСКАЗЪ РУССКАГО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

РАЗСКАЗЪ

РУССКАГО ВЪ ДЕРЕВНѢ

О ЧУДЕСНОМЪ СПАСЕНІИ ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

4-го Апрѣля 1866 года.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ

Осипа Ивановича

КОММИСАРОВА.

Соч. Ив. Шевелкина.

МОСКВА.
ПРОДАЕТСЯ У ИЗДАТЕЛЯ КНИГОПРОДАВЦА МАНУХИНА.
1866.

Дозволено Цензурой. Москва, 22 Апрѣля, 1866 г.

ТИПОГРАФІЯ С. ОРЛОВА, НА НИКИТСКОЙ УЛ., Д. ЧЕРНЯВОЙ.

РАЗСКАЗЪ

РУССКАГО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Фабричная деревня Заболотье раскинулась довольно живописно и правильно по берегу небольшой рѣчки; длинныя и узкія, двух-этажныя и одноэтажныя мастерскія, устроиваемыя обыкновенно на задворкахъ въ болѣе или менѣе почтительномъ отдаленіи отъ жилыхъ строеній, и красивые, большею частію, дома, съ притензіей казаться не деревенскими, а городскими, здѣшнихъ фабрикантиковъ дѣлали Заболотье почти непохожимъ на деревню, какія мы встрѣчаемъ въ другихъ, отдаленныхъ отъ столицъ мѣстахъ обширной Россіи, гдѣ процвѣтаетъ одна промышленность—хлѣбопашество.—Проживая почти подъ бокомъ Москвы верстахъ въ сорока, въ сторонѣ отъ желѣзныхъ и большихъ дорогъ, заболотьевскіе фабрикантики, въ особенности въ осеннюю или весеннюю распутицу почти совершенно лишаются удовольствія сообщаться съ Москвой, почему и самыя интересныя новости Московскія доходятъ черезъ мѣсяцъ, а иногда и позже. Слѣдовательно не должно удивляться, что даже въ суб-

боту на Оминой недѣлѣ 9 Апрѣля въ Заболотьѣ никто не зналъ и не вѣдалъ, какое страшное событіе совершилось 4-го Апрѣля, которое, силою бодрствующаго надъ православной Россіей Всеблагаго Провидѣнія Божія, принесло намъ неописанную радость и безпредѣльный восторгъ, вмѣсто ужаса и страшнаго горя, такъ искусно подготовленныхъ злокозненными врагами Русскаго Царя и преданнаго Ему вѣрнаго народа!

Подъ вечеръ 9-го Апрѣля многіе изъ обывателей Заболотья расположились, на скамьяхъ около домовъ своихъ, подышать весеннимъ воздухомъ и побалагурить кое о чемъ.

— «Не знаешь ли, Сидоръ Кузмичъ, почему это Левка Терентьевъ безо времени изъ Москвы сюда пріѣхалъ? спросилъ плечистый мужчина лѣтъ пятидесяти у старика въ дубленомъ тулупѣ, сидѣвшаго подъ окнами красивенькаго домика.

— «Безъ важной причины», отвѣчалъ старикъ: «Леонтью, кажись, не надо бы изъ Москвы уѣзжать, вѣдь онъ тамъ почитай одинъ всей лавкой орудуетъ, а теперича Оминна недѣля, поди, народъ валомъ валитъ на дешевые-то товары. Вѣрно, какая нибудь оказія приключилась, Яковличъ».

— «Должно полагать, что оказія», сказалъ Яковличъ, усаживаясь подлѣ Кузмича: «да еще какимъ фертомъ, песъ этакой прокатилъ—на тройкѣ съ колокольчикомъ»!

— «Да теперь по нашей-то дорогѣ на одной пожалуй не далеко уѣдешь, а Леонтью, можетъ, дѣло до отца важное и спѣшное подошло!»—

— «Да окромя того у него и киса-то толста, почитай первый фабрикантъ по всей нашей округѣ почитается; такъ чтожъ, дескать, намъ не повальяжничать, мы не какіе нибудь иные прочіе фабрикантишки, свою лавку въ Москвѣ имѣемъ!—Посмотримъ, да поглядимъ, долго ли Левка нафарлыбачитъ; и такіе ли еще дубы бывали, какъ онъ, гордецъ этакой, да и тѣ подламывались! А я было его, какъ путнаго, останавливалъ: кричу, почто, молъ, къ намъ пожаловалъ, кажись, недавно дома былъ, а онъ, шельмецъ, только рукой махнулъ!»

— «Напрасно ты, Яковличъ, Леонтья и псомъ и гордецомъ, и шельмецомъ обзываешь; онъ, братъ, парень важный и дѣльный, не шалопай какой нибудь и не пьяница, отцу, можно сказать, окомъ и правой рукой служитъ, да и дѣло-то свое знаетъ, торгуетъ честно, отъ почтенныхъ людей уваженіемъ пользуется,—словомъ, Леонтій парень первый сортъ!»

— «Ну ужъ ты, Кузмичъ, не кстати больно его возвеличилъ, а онъ все-таки фармазонъ выходитъ; ты объ эвтомъ дѣлѣ самъ знаешь».

— «Это ты, Иванъ Яковличъ, на Паланьку-то Ѳедорову намекаешь; такъ я скажу тебѣ, другъ мой любезный, что въ эвтомъ самомъ дѣлѣ Леонтій ни душой, ни тѣломъ не повиненъ. Онъ Палаши и не думаетъ обманывать или вовсе покинуть, это я доподлинно знаю. А тутъ всему дѣлу самъ отецъ-то Левоновъ Терентій Петровичъ помѣхой выходитъ. Ужъ не одинъ разъ, бѣдняга, у родителя-то въ ногахъ валялся и Христомъ Богомъ просилъ женить его на Палагеѣ, такъ старикъ руками

и ногами противъ этого упирается. Чтобъ я тебѣ на этой необтесанной мужичкѣ жениться благословилъ! Нѣтъ, братъ, выкинь ты, говоритъ, лучше эту дурь изъ головы вонъ, я тебѣ, говоритъ, невѣсту богатую, купеческую пріищу, не Палашкѣ чета! А я, говоритъ Левка, окромя Палаши ни на комъ на свѣтѣ не женюсь.—Не женишься, такъ я, говоритъ, лучше тебя въ могилу зарою, а ужъ съ нищими въ родство не полѣзу.—

— «Ишь ты милліонщикъ какой! Давно ли самъ-то изъ мужиковъ въ купцы выкарабкался! Хоша дядя Ѳедоръ не богачъ, а все таки живетъ какъ слѣдуетъ, благодаря Господа».—

Однакожъ оставимъ стариковъ толковать и переливать изъ пустаго въ порожнее, а скажемъ нѣсколько правдивыхъ словъ о молодомъ человѣкѣ, котораго Яковличъ даже фармазономъ величалъ. Сынъ богатаго фабриканта, какихъ впрочемъ въ промышленномъ Б. уѣздѣ много насчитывается, Леонтій Терентьевичъ былъ молодецъ лѣтъ двадцати пяти, весьма красивой наружности, малый умный, оборотистый въ дѣлѣ фабричномъ и торговомъ, образовавшій себя чтеніемъ, совершенно правильно прозванъ былъ *правой рукой* отца, старика хотя и умнаго, но все-таки, какъ говорится, самодура не маленькаго, какихъ, къ сожалѣнію, много встрѣчается у насъ между разбогатѣвшими крестьянами. Впрочемъ, говорятъ, и за границей: въ Германіи, въ Италіи и даже во Франціи и въ Англіи, которыя величаются и кичатся своей цивилизаціей, самодуровъ подобныхъ нашимъ не початой уголъ, слѣдовательно русачку Терентью

Петровичу Балашину можно простить, что онъ не дозволялъ сыну, хотя и горячо любимому, жениться на Палашѣ, дѣвушкѣ красивой и скромной, но, къ несчастію, небогатой, которая своими руками должна была добывать деньгу на наряды себѣ и трудиться вмѣстѣ съ матерью около домашняго хозяйства. Терентій Петровичъ спалъ и видѣлъ породниться черезъ сына съ какимъ нибудь богатымъ купеческимъ семействомъ и желалъ найдти въ своей невѣсткѣ бѣлоручку, а не труженицу съ загорѣлымъ лицемъ и огрубѣлыми руками.—Всю святую недѣлю, подсчитавъ товаръ въ лавкѣ еще на страстной, Леонтій по обыкновенію провелъ у отца въ деревнѣ, и поэтому не мало удивился старикъ, когда изъ окна увидѣлъ сына, подкатившаго на лихой тройкѣ.—

— «Что случилось, Леонтій? Зачѣмъ ты бросилъ лавку и пріѣхалъ сюда?» были первыя слова, когда сынъ вошелъ въ горницу.—

— «О томъ, что случилось у насъ на святой Руси 4 Апрѣля, въ понедѣльникъ, отвѣчалъ почтительно Леонтій, между тѣмъ какъ лицо его сіяло радостію:—«я могъ бы отписать къ вамъ и съ нарочнымъ переслать письмо; но у насъ произошло такое неслыханное, ужасное событіе, за благополучный исходъ котораго теперь ликуютъ не только Петербургъ и Москва но и вся православная Россія; такъ по важности этого событія я поставилъ долгомъ сообщить о немъ лично и раздѣлить радость и веселіе съ вами и съ нашими односельцами.—Прежде всего, тятенька, дозвольте мнѣ приказать ставить самовары и распо-

радиться выпивкой и закуской, а сами потрудитесь разослать ребятъ ко всѣмъ нашимъ старымъ и молодымъ хозяевамъ съ позывомъ сейчасъ же сюда пожаловать, я всѣмъ разскажу, какъ чудесно Господь спасъ нашего обожаемаго Царя-Батюшку и всю Россію, а потомъ, хоть и поздно будетъ, самъ съѣзжу въ приходъ, чтобы разсказать подробности о событіи батюшкѣ.—

— «Да скажешь ли ты, наконецъ, какое происшествіе у насъ случилось?».

— «Скажу, пожалуй, только съ условіемъ хранить покамѣсть въ секретѣ, о чемъ сообщу вамъ».

— «Ну, ладно; никому не скажу».

— «Такъ знайте: 4-го числа сего Апрѣля, въ понедѣльникъ, въ С.-Петербургѣ одинъ злоумышленникъ чуть чуть не лишилъ Россію нашего обожаемаго Государя-Батюшки. Но рука Всевышняго спасла священную жизнь Царя-Освободителя и всю землю Русскую, рукою простеца-мужичка православнаго»!

Терентій Петровичъ, какъ будто ошеломленный словами сына, стоялъ нѣсколько минутъ въ оцѣпенѣніи и молча глядѣлъ на Леонтія. Потомъ вдругъ слезы градомъ полились изъ глазъ старика, и онъ, рыдая и смѣясь въ одно время, бросился обнимать и цѣловать сына, а потомъ поуспокоившись упалъ на колѣна передъ кіотомъ со святыми иконами и молился усердно со слезами. Леонтій, котораго также душили радостныя слезы, сталъ на колѣна подлѣ отца.

— «Ну, сынъ мой любезный, одолжилъ ты меня до крайности,—спасибо тебѣ», сказалъ Терентій Петровичъ, подымаясь

съ колѣнъ: «привезъ ты намъ второй свѣтлый праздникъ, вторую свѣтлую недѣлю. Станемъ же его праздновать по нашему по-русски. Ей вы, старые и малые, домочадцы и прислуга»!— закричалъ онъ, отворяя дверь въ переднюю: «въ одинъ моментъ, что есть духу, бѣгите по всей деревнѣ, сзывайте всѣхъ-старыхъ и молодыхъ, чтобъ сію же минуту сюда приходили, дескать, Терентью Петровичу о важномъ дѣлѣ поговорить съ ними требуется: сейчасъ, молъ, они изъ Москвы вѣсти получили... самъ, молъ, Леонтій Терентьичъ привезли; да смотри умеия. ребята, не зѣвать, дорогой не заговариваться, а то бѣда!— Насчетъ выпивки и закуски я самъ распоряжусь», говорилъ онъ сыну: «а ты ступай въ контору, да напиши обо всемъ батюшкѣ; да прибавь, не забудь, что, дескать, завтра тятенька сами пріѣдутъ и весь народъ нашъ соберется торжественный благодарственный молебенъ править. А съ письмомъ мы нарочнаго молодца отправимъ, для того, что тебѣ ужъ нѣкогда будетъ самому ѣхать, ты будешь, чай, намъ разсказывать, какъ все это святотатственное дѣло происходило; ну и о томъ намъ повѣдаешь, какъ у васъ въ Москвѣ православные торжествуютъ вторую свѣтлую недѣлю».

— «Разсказа моего, пожалуй, часа на два хватитъ, такъ и точно лучше молодца къ батюшкѣ отправить» И отецъ и сынъ занялись каждый своимъ дѣломъ. Не прошло и получасу, какъ обширный залъ въ большомъ домѣ Терентья Петровича наполнился гостями. Всѣ спрашивали у отца и у сына, какія вѣсти привезены изъ Москвы, но тотъ и другой упорно отказывались

до времени удовлетворить любопытство вопрошавшихъ. Наконецъ Терентій Петровичъ, видя, что терпѣніе многочисленныхъ гостей стало выходить изъ предѣловъ, вынулъ изъ шкапа, подъ кіотомъ, пукъ восковыхъ свѣчей и, зажигая ихъ и прилепляя къ каждому образу по свѣчкѣ въ залѣ и другихъ горницахъ, сказалъ: «ну, если собрались не всѣ званные, то пусть послѣ на меня не пеняютъ.—Но вотъ въ чемъ дѣло, гости дорогіе, напередъ всего помолимся вкупѣ о чудесномъ спасеніи отъ неминучей смерти нашего Отца Царя-Освободителя Государя Императора Александра Николаевича».

— «Какъ! Что такое? Развѣ хотѣли убить нашего Отца?» послышалось со всѣхъ сторонъ.

— «Все узнаете послѣ, а теперь помолимся вкупѣ и возблагодаримъ Господа!»—И всѣ стали на колѣна, и помолились долго и усердно.

— «Ну, теперь прошу садиться, проговорилъ подымаясь Терентій Петровичъ:» а ты сынъ мой возлюбленный, Леонтій Терентьичъ, выступай впередъ къ святымъ иконамъ и повѣдай всѣмъ намъ о неслыханномъ на святой Руси злодѣяніи и о чудесномъ спасеніи нашего обожаемаго Царя-Батюшки».

Леонтій подошелъ къ иконамъ, положилъ три поклона съ крестнымъ знаменіемъ и, обратившись къ гостямъ, сказалъ громкимъ, но отъ полноты чувствъ нѣсколько дрожавшимъ голосомъ: «Православные! Сего Апрѣля 4-го числа въ четыре съ

половиною часа по-полудни въ С.-Петербургѣ при выходѣ изъ Лѣтняго сада Всемилостивѣйшій Государь нашъ Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій Александръ Николаевичъ подвергался опасности потерять жизнь, столь тѣсно связанную съ благоденствіемъ и счастіемъ Россіи и всего народа русскаго, отъ руки злоумышленника, вооруженной пистолетомъ, но чудеснымъ образомъ спасенъ Самимъ Господомъ направившимъ руку нашего брата простеца крестьянина отвратить выстрѣлъ, въ Священную Особу Его Величества направленный»!

— «Господи Іисусе Христе! Кто дерзнулъ на такое злодѣйство неслыханное? Кто осмѣлился опозорить землю русскую? Что сдѣлали съ безбожникомъ? Кто спасъ Государя?» раздавалось въ толпѣ гостей.

— «Обо всемъ будетъ разсказано, братцы, во всей подробности, не мѣшайте только», сказалъ хозяинъ: «а теперь выпьемъ за здравіе и благоденствіе нашего обожаемаго Царя-Батюшки, за весь царствующій Домъ Его, а потомъ и за спасителя неоцѣненной жизни помазанника Божія! Ей, молодцы, давайте сюда шипучаго! Спасибо, что я большой запасъ сдѣлалъ его; какъ будто сердце чуяло дождаться такой радости».

Нѣсколько молодцевъ, одѣтыхъ по праздничному, внесли подносы съ бокалами и нѣсколько бутылокъ шампанскаго.

— «Напрасно, Терентій Петровичъ, сказалъ старикъ Сидоръ Кузмичъ, котораго всѣ въ Заболотьи почитали и уважали:»

напрасно ты насъ эвтимъ заморскимъ винищемъ поштуешь, лучше бы нашего простаго русскаго приказалъ: оно, вишь, какъ будто сподручнѣе нашему брату».

— «Что ты, Кузмичъ, въ своемъ ли ты умѣ это говоришь? Какъ, за драгоцѣннѣйшее Царское здоровье, да пить сивуху и ею подчивать, когда Господь Богъ благословилъ человѣка капиталомъ! Нѣтъ, братъ, шалишь! А впрочемъ погоди, и до нашей родимой дешевочки дѣло дойдетъ. Ну; православные, берите рюмки-то, да и давай... За здравіе и благоденствіе обожаемаго Отца нашего и Благодѣтеля всей земли Русской Его Величества Государя Императора Александра Николаевича на многая лѣта! Ура!»

— «Ура! ура! Многая лѣта!» подхватили гости, и восторженные клики эти не умолкали минутъ пять.

— «За здравіе Супруги Его, Матушки нашей Благовѣрной Государыни Императрицы Маріи Александровны на многая лѣта! Ура!

Тѣже восторженные клики раздались опять.

— За здравіе Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и всего Царствующаго Дома, на многая лѣта! Ура!

— «Многая лѣта! Ура»! все громче и громче подхватывали гости, такъ что черезъ четверть часа у дома Балашина собралась порядочная толпа фабричныхъ, которые, свѣдавъ по какой

причинѣ пируетъ богачъ Терентій Петровичъ, стали дружно *подхватывать* радостнымъ кликамъ, раздававшимся въ горницахъ.

— «Ну теперь выпьемъ за здравіе Царскаго спасителя... какъ его величаютъ, Леонтій; ты мнѣ еще не сказывалъ?»

— «За здравіе бывшаго крестьянина, а нынѣ потомственнаго Русскаго дворянина Осипа Ивановича Коммисарова-Костромскаго! Ура!

Дружно подхватили это ура! и въ горницахъ и на улицѣ. Услышавъ клики, раздававшіеся подъ окнами дома, и свѣдавъ въ чемъ дѣло, Терентій Петровичъ приказалъ немедленно поднести гостямъ подъ окнами, хотя и незваннымъ, по объемистому стакану очищеннаго, а если кто пожелаетъ и сможетъ, тѣмъ налить по другому и по третьему.

— «Теперь примемся за чаекъ, братцы, а Леонтій пусть разсказываетъ по порядку со всѣми подробностями, какъ все дѣло было. Онъ у меня объ этомъ обо всемъ въ газетахъ вычиталъ» сказалъ Терентій Петровичъ, когда кончились изъявленія искреннихъ, неподдѣльныхъ чувствъ простыхъ сердецъ обывателей деревни Заболотья и всѣ усѣлись по мѣстамъ своимъ.

— «Такъ слушайте-жъ, православные,» заговорилъ Леонтій, усаживаясь такъ, чтобъ его всѣмъ видѣть и слышать можно было: «какъ я уже сказывалъ вамъ, 4 числа нынѣшняго мѣсяца, въ Ѳоминъ понедѣльникъ, Его Величество Государь

Императоръ Александръ Николаевичъ изволилъ прогуливаться съ Ея Высочествомъ Принцессой Баденской Маріей Максимиліановной, родной племянницей Своей, въ Лѣтнемъ саду, гдѣ въ началѣ весны обыкновенно собирается самая блестящая Петербургская публика. Въ это время проходилъ мимо воротъ сада скромный мужичекъ, подмастерье шапочнаго дѣла, Осипъ Ивановъ Комисаровъ временно-обязанный крестьянинъ Костромской губерніи Буйскаго уѣзда села Молвитина, находящагося въ сосѣдствѣ съ селомъ Домнинымъ, откуда былъ родомъ спаситель жизни Царя Михаила Оеодоровича Романова Иванъ Осиповичъ Сусанинъ.— 4 числа, въ день памяти Преподобныхъ отецъ нашихъ Іосифа пѣснописца и Георгія, иже въ Малеи, Осипъ Ивановъ справлялъ именины свои и потому не работалъ въ этотъ день. Онъ хотѣлъ было направиться за Неву на Петербургскую сторону отслужить молебенъ Христу-Спасителю предъ Чудотворной иконой Его, поставленной въ маленькомъ дворцѣ Петра Великаго; но за рѣку онъ не попалъ, по случаю опасности ото льда, готовившагося тронуться въ дорогу къ Финскому заливу. Возвращаясь домой, Осипъ Ивановъ, замѣтивъ толпу народа, поджидавшаго выхода Государя изъ Лѣтняго сада, вмѣшался въ нее, чтобы и самому насладиться лицезрѣніемъ обожаемаго Царя-Освободителя. Ровно въ четыре съ половиной часа по-полудни Его Величество изволилъ выйдти изъ сада и, надѣвъ поданную Ему шинель, хотѣлъ садиться въ коляску, вдругъ въ эту минуту раздался выстрѣлъ и пуля просвистѣла надъ священной главой Помазанника Божія!»

Разскащикъ и всѣ слушатели по нѣскольку разъ осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ.

— «Послѣ кратковременнаго ужаса, продолжалъ Леонтій, овладѣвшаго всѣми присутствовавшими при совершеніи злоумышленнаго покушенія, народъ примѣтилъ молодаго человѣка, котораго едва могъ удерживать Осипъ Ивановъ, и который успѣлъ даже вырваться и побѣжать было; но въ одно мгновеніе ока гнусный злоумышленникъ былъ поверженъ на мостовую и толпа чуть-чуть не растерзала его на части. Одни только слова Государя: «оставьте его» могли остановить справедливый гнѣвъ народа. Государь Императоръ, сохранившій полное спокойствіе духа и совершенное хладнокровіе, подошелъ къ злодѣю, котораго, разумѣется, лишь только толпа передала въ руки полиціи; тотчасъ же обыскали его и нашли при немъ нѣсколько бумагъ и стклянночку, какъ оказалось въ послѣдствіи, съ сильнѣйшимъ ядомъ.—Положивъ свою державную руку на скверное плечо злодѣя, Его Величество спросилъ изверга: «ты Полякъ?»— Нѣтъ, я Русскій!—Государь посмотрѣлъ на него какъ бы съ удивленіемъ. «За что ты хотѣлъ убить меня?» изволилъ спросить Государь.—Я тебя хотѣлъ убить за то, что ты обманулъ крестьянъ, хотѣлъ дать имъ землю и не далъ!—Потомъ, обратившись къ толпѣ, убійца прибавилъ: «я хотѣлъ сдѣлать это за васъ!»

— «Ахъ онъ шельмецъ каторжный! Осмѣлился клеветать на нашего Царя-Освободителя!—не утерпѣлъ не высказаться Яковлевъ;—да еще, каналья этакая, обозвалъ себя Русскимъ!»

Ты не разсказалъ намъ, Леонтій,—сказалъ Терентій Петровичъ,—какимъ образомъ Господь сподобилъ Осипа Ивановича спасти неоцѣненную для насъ Русскихъ Священную жизнь нашего Царя-Батюшки.—

— «Вотъ какъ это случилось: замѣшавшись въ толпу, Осипъ Ивановичъ примѣтилъ, что какой-то парень, въ красной рубахѣ на выпускъ подъ пальто, на мужика, впрочемъ, или на мастероваго какъ будто вовсе непохожій, безпрестанно шныряетъ въ толпѣ и какъ будто бы его нечистая сила все подергиваетъ. Примѣтивши это, Осипъ Ивановичъ сталъ слѣдить за парнемъ и не отставалъ отъ него ни на шагъ. Какъ только зашептали въ толпѣ, что Государь идти изволитъ, подозрительный парень, въ красной рубахѣ, сталъ протискиваться впередъ, держась постоянно за карманы шароваръ, а Осипъ Ивановичъ за нимъ. и всталъ подлѣ него по правую его руку. «Сначала, какъ самъ разсказывалъ послѣ Осипъ Ивановичъ, «я какъ будто забылъ зачѣмъ я слѣдилъ за злодѣемъ и только думалъ, какъ получше разсмотрѣть Государя, какъ вдругъ опомнился и уже ни на секунду не спускалъ глазъ отъ рукъ его». Замѣтивъ быстрое движеніе правой руки злоумышленника, онъ увидѣлъ, что тотъ вынулъ пистолетъ изъ кармана, тогда онъ быстро раскинулъ умомъ, что ему дѣлать: если отвесть руку въ сторону и пригнуть ее къ землѣ, то злодѣй могъ убить кого либо другаго или его самого и потому рѣшился дѣйствовать какъ, внушилъ ему Господь въ страшную роковую минуту. Едва только преступная рука вытянулась съ пистолетомъ, Осипъ Ивановичъ,

въ мгновеніе ока, толкнулъ эту руку кулакомъ подъ локоть.— она, разумѣется, приподнялась высоко, и тутъ раздался выстрѣлъ, а пуля роковая исчезла въ воздухѣ. Не случись этого, неминуемая смерть угрожала Его Величеству, потому что убійца стрѣлялъ почти въ упоръ!»

— «Честь и слава Осипу Ивановичу! Ура!» воскликнулъ Терентій Петровичъ, а за нимъ и всѣ гости.

— «Ну, теперь продолжай, Леонтій; ты говорилъ, что Государь самъ изволилъ говорить съ злодѣемъ.

— «Его Величество, видя, что злоумышленникъ такъ хорошо настроенъ и подготовленъ упорно скрывать свое настоящее происхожденіе, изволилъ приказать полиціи взять преступника и представить его немедленно прямо къ шефу жандармовъ, князю В. А. Долгорукову. Одинъ изъ полицейскихъ унтеръ-офицеровъ доложилъ Государю, что преступникъ держитъ въ рукѣ какую-то бумагу, Герцогъ Лейхтенбергскій, бывшій тутъ, вырвалъ бумагу эту изъ рукъ злодѣя и Государь отправился прямо въ Казанскій соборъ воздать благодареніе Господу и Его Пресвятой Матери за чудесное избавленіе Его отъ смерти, а оттуда поѣхалъ къ шефу жандармовъ.—Теперь возвратимся на время на мѣсто страшнаго событія этого дня и взглянемъ, что сталось съ спасителемъ Царя.–Совершивъ великій подвигъ свой, скромный Осипъ Ивановичъ отошелъ въ сторону и, сильно потрясенный глубокимъ чувствомъ, при мысли, что онъ, ничтожный червь, былъ единственнымъ орудіемъ спасенія отъ смерти обожаемаго Царя-Освободителя, могущественнѣйшаго изъ владыкъ земныхъ, а

вмѣстѣ съ Нимъ и всей Россіи отъ крамолы, которая не преминула бы воспользоваться удобною для нея минутою, не могъ перенести сильнаго трепетанія сердца и лишился чувствъ. Въ это время какой-то нѣмецъ разсказывалъ Генералъ-Адъютанту Тотлебену, Севастопольскому герою о подвигѣ Осипа Ивановича. Разсказъ этотъ подтвердили множество свидѣтелей.—Тутъ только спохватились, куда дѣвался герой этого событія, стали искать и нашли его, въ обморокѣ. Генералъ Тотлебенъ принялъ самое нѣжное участіе въ Осипѣ Ивановичѣ и съ истинно-родительскими чуствами и стараніями привелъ его въ чувства. Когда же спаситель драгоцѣннѣйшей для насъ жизни нѣсколько успокоился, Генералъ подъ руку подвелъ его къ своему экипажу, посадилъ его и отвезъ въ Зимній дворецъ».

— «Когда Государь Императоръ изволилъ воротиться во дворецъ, то нашелъ въ немъ множество государственныхъ сановниковъ, представителей сословій дворянскаго и купеческаго, генераловъ и офицеровъ и даже многихъ лицъ, которыя оффиціальнаго права являться ко Двору не имѣли. Государь вышелъ въ залъ, въ которомъ ожидали Его Величество пріѣхавшіе принести Ему поздравленія съ чудеснымъ спасеніемъ жизни Его и выразить свои вѣрноподданническія чувства. Государыня и всѣ Члены Царственнаго семейства сопровождали Его Тронутый безпредѣльною, искреннею любовію и глубокой преданностію вѣрныхъ подданныхъ своихъ, Его Величество изволилъ благодарить всѣхъ, и потомъ спросилъ: «гдѣ же мой спаситель?» Генералъ Тотлебенъ подвелъ Осипа Ивановича, трепещущаго и

со всѣмъ растерявшагося, къ Государю. Коммисаровъ, рыдая, упалъ въ ноги Царя, а Онъ, нашъ Отецъ Всемилостивѣйшій, изволилъ нагнуться и своими державными руками поднялъ его, обнялъ и поцѣловалъ три раза и тутъ же возвелъ Осипа Ивановича въ достоинство потомственнаго Дворянина Русской Имперіи. Всѣ бывшіе во дворцѣ генералы, офицеры и прочіе привѣтствовали восторженными кликами ура! мудрое распоряженіе Великодушнаго Монарха Государь не забылъ также и народъ, покрывавшій густою массою обширную дворцовую площадь: Онъ милостиво, съ ангельскою улыбкою, съ балкона привѣтствовалъ и и благодарилъ вѣрный и преданный народъ свой!

— «Ура, ура!» перебилъ Терентій Петровичъ сына; разумѣется, всѣ гости вторили съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Когда же клики умолки и гости поуспокоились, радушный хозяинъ пригласилъ выпить и закусить, чѣмъ Богъ послалъ. По окончаніи же питейной операціи, Терентій Петровичъ, утирая бороду и усы, обратился къ сыну: «а помнишь ли, Леонтій, тѣ стихи, что пѣлъ Сусанинъ, когда мы смотрѣли оперу «жизнь за Царя въ театрѣ»; вотъ еще мнѣ больно понравились? Прочтай намъ, если помнишь».

— «Какъ непомнить, тятенька, извольте...

Высокъ и святъ нашъ Царскій Домъ,
И крѣпость Божія кругомъ,
А на стѣнахъ въ одеждѣ бѣлой
Стоятъ крылатые вожди!
Такъ, недругъ близко не ходи!

— «Это значитъ, гости дорогіе, сказалъ восторженно Терентій Петровичъ: «что Благочестивѣйшаго и Православнаго Царя Русскаго, Благовѣрную супругу Его, Наслѣдника и весь Его Царствующій Домъ хранитъ самъ Господь, Архангелы и Ангелы Его! Такъ, что же могутъ подѣлать презрѣнные злокозненные Поляки и всѣ клевреты ихъ?»

— «Правда твоя! Вѣстимо! говорили гости.

— «Притомъ же самъ Господь сказалъ: *не прикасайтеся помазаннымъ моимъ!*» прибавилъ старикъ Сидоръ Кузмичъ.

— «Поди, въ Москвѣ-то у васъ куда свѣтло, торжественно и шумно празднуютъ спасеніе Царя-Освободителя, поглаживая бороду и самодовольно улыбаясь, сказалъ Терентій Петровичъ, потому что самъ былъ купцомъ московскимъ и считалъ себя чистымъ Москвичемъ, хотя родился въ деревнѣ и почти до сорока лѣтъ назывался и подписывался крестьяниномъ деревни Заболотья.

— «О, тятенька, что въ Москвѣ творится, такъ уму непостижимо, впрочемъ и Петербургское купечество, говорятъ, развѣ малымъ чѣмъ нашимъ уступаетъ!

— «Да и батюшка-то нашъ Царь Александръ Николаевичъ въ Москвѣ родился, значитъ Онъ нашъ, родовой Москвичъ! А въ этомъ, братъ, для насъ не мало заключается!»

— «Объ этомъ спорить нечего, а мнѣ кажется, что и въ Петербургѣ и во всей Россіи истинно Русскіе одинаково обо-

жаютъ своего Царя Благодѣтеля и всѣ готовы положить за Него жизнь свою! Кто любитъ Россію, тотъ не можетъ не обожать ея Самодержца, стремящагося возвеличить и прославить Богомъ данный Ему народъ Русскій.

— «Объ этомъ, братецъ, никто и не говоритъ, и никто въ этомъ не сомнѣвается, перебилъ сына Терентій Петровичъ: разскажи-ка намъ теперь, какъ Москва праздновала вторую свѣтлую недѣлю?

— «Въ тотъ же самый день, когда совершилось въ Петербургѣ злодѣйское покушеніе, вечеромъ Московскій Генералъ-Губернаторъ получилъ изъ Петербурга отъ Министра внутреннихъ дѣлъ телеграмму о страшномъ событіи 4-го Апрѣля, а во вторникъ 5 числа, поутру рано, полиція стала разносить и раздавать всѣмъ особыя объявленія, которыя извѣщали Москвичей объ опасности, какой подвергался обожаемый ими Государь и о Его чудесномъ спасеніи, и о томъ, что въ этотъ день, т. е. во вторникъ, въ 12 часовъ по полудни въ Кремлѣ въ церкви Чудова монастыря Архіерейскимъ служеніемъ совершено будетъ благодарственное Господу Богу молебствіе о чудесномъ спасеніи Его Императорскаго Величества отъ неминуемой смерти. Надо ли говорить, что, прочитавъ это объявленіе, каждый Москвичъ, или Москвитянка, пораженные ужасомъ, сначала спѣшили, кто къ Иверской Божіей Матери, а кто въ свою приходскую церковь служить благодарственные молебны за спасеніе Царя, потому что всякій разсчитывалъ помолиться усерднѣе на

просторѣ. Еще далеко до назначеннаго времени, часа за два или за три, пожалуй, священный Кремль нашъ началъ наполняться народомъ, огромная масса котораго къ 12 часамъ до того сгустилась, что генералы и всѣ служащія въ Москвѣ военныя и статскія власти съ большимъ только трудомъ могли добраться до Чудова монастыря. Благодарственное молебствіе въ храмѣ Святителя Алексія, въ присутствіи Генералъ-Губернатора, военныхъ и статскихъ генераловъ, представителей сословій дворянскаго и купеческаго, штабъ и оберъ-офицеровъ и множества чиновниковъ въ полной формѣ и въ мундирахъ, совершалъ, не смотря на болѣзнь и слабость тѣлесную, нашъ маститый Архипастырь Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ Митрополитъ Московскій съ Преосвященными Викаріями Леонидомъ Епископомъ Дмитровскимъ и Саввой Епископомъ Можайскимъ, съ Архимандритами Московскихъ монастырей и съ многочисленнымъ Духовенствомъ. По окончаніи молебствія въ церкви Чудова монастыря, собравшійся въ Кремлѣ народъ просилъ Высокопреосвященнаго отправить, соборное же, молебствіе на дворцовой площади; на просьбу и желаніе народа Владыка изъявилъ свое согласіе.—Не могу, какъ бы слѣдовало и какъ бы мнѣ самому хотѣлось, передать вамъ, православные, какое торжественное, въ высшей степени умилительное и великолѣпное зрѣлище представлялъ нашъ древній Кремль во время молебствія! Тысячи народа Русскаго на колѣнахъ, со слезами искренней радости на глазахъ, усердно молились за спасеніе неоцѣненной жизни обожаемаго Отца своего Царя-Освободителя, и всюду, при такомъ

огромномъ стеченіи народа, царствовала тишина невозмутимая! Послѣ же молебствія радостные восторженные клики *ура!* и *да здравствуетъ Отецъ нашъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ на многая лѣта!* потрясли стѣны святыни Московской, древняго, священнаго жилища могучихъ и славныхъ Царей Руси православной и эти клики, ясное выраженіе восторженныхъ сердецъ народа Русскаго, не умолкали долго, долго!

«Въ Кремлѣ, на Варваркѣ, на Ильинкѣ, на Никольской, у Иверскихъ воротъ и въ Охотномъ ряду рѣшительно не было прохода: тутъ перемѣшались между собой и дворяне, и купцы, и мѣщане, и мастеровые, и мужички-пахари, и не смотря на то, что святая недѣля миновалась, всѣ христосовались, обнимались и поздравляли другъ друга съ всеобщею радостію, не разбирая ни знакомыхъ, ни незнакомыхъ, словомъ, какъ будто всѣ сроднились между собой радостною вѣстію о спасеніи жизни обожаемаго Монарха. Въ тотъ же день, т. е. во вторникъ, первое пиршество задали дворяне и купцы въ Московскомъ трактирѣ Гурина; знаете, тятенька, противъ Иверскихъ воротъ...

— «Ну, еще бы не знать! Не однажды въ немъ и чай пивали, и обѣдывали».

«Послѣ Кремлевскаго молебствія въ Московскій трактиръ собралось столько публики, что подошедшіе попозднѣе, не смотря на обширность трактира и множество залъ и особенныхъ ком-

нать, не находили свободныхъ столовъ, за которыми бы хоть тѣсненько пріютиться. Счастливцы, сидѣвшіе за столами сначала, по обычаю, принялись за чаекъ, а потомъ за водочку, коньячекъ и за закуску. Объ обыденныхъ разговорахъ о театрѣ тамъ, о торговыхъ дѣлахъ и о прочемъ и помину не было, всѣхъ занимала лишь одна страшная новость, обратившаяся въ радостную; когда же рѣчи гостей сдѣлались шумнѣе, въ одномъ мѣстѣ послышался заманчивый щелкъ отъ откупорки шампанскаго и вслѣдъ за нимъ громкій возгласъ: за здравіе обожаемаго Государя нашего Императора Александра Николаевича! Ура! Радостный возгласъ этотъ, какъ электрическій токъ по телеграфу, пронесся по всѣмъ заламъ и достигъ до особенныхъ комнатъ; разумѣется, задушевный возгласъ не могъ пройдти безъ послѣдствій. Не прошло и четверти часа, какъ во всѣхъ залахъ заискрилось шампанское, разговоры почти прекратились, а раздавались лишь одни тосты и клики ура! День 5 Апрѣля былъ теплый и потому открыли окна въ трактирѣ; раздававшіеся клики въ залахъ привлекли сюда подъ открытыя окна порядочную кучку народа, который дружно вторилъ этимъ радостнымъ кликамъ пирующихъ.—Услышавъ восторженныя изъявленія радости собравшагося подъ окнами народа, гости Гурина тотчасъ же распорядились выставить нѣсколько ведеръ очищенной и закуску; но этимъ не кончилось: угостивъ народъ, пирующіе, вѣрные и преданные своему Державному Отцу, сердца которыхъ разгорѣлись искренной радостію до того, что они начали бросать изъ оконъ кредитные билеты и горстями сереб-

ряныя деньги, крича при этомъ: «молитесь за драгоцѣнное здравіе Царя-Батюшки!»

— «Ай да паши!» воскликнулъ Терентій Петровичъ, между тѣмъ какъ лице его горѣло какимъ-то особеннымъ блескомъ восторга: «вотъ это по-русски, по нашему, по-купечески!»

— «Да еще не то будетъ, тятенька, дайте срокъ!—Вечеромъ въ тотъ день, во вторникъ, назначена была на большомъ театрѣ какая-то италіянская опера, а не то балетъ, не знаю хорошенько; но управляющій театрами, по случаю радостнаго извѣстія о спасеніи Государя Императора, распорядился представить нашу русскую оперу «жизнь за Царя»; разумѣется, публика была въ восторгѣ отъ этого распоряженія, и большой театръ едва могъ вмѣстить желающихъ прослушать родную музыку Многіе какъ великой милости просили, хоть постоять гдѣ нибудь, но и этой милости не добились. Когда занавѣсъ поднялся въ другой разъ или, понятнѣе сказать, начался второй актъ и зрителямъ представился великолѣпный залъ въ замкѣ польскаго магната, по нашему барина; подъ музыку стали въ этотъ залъ входить попарно Поляки и Польки въ богатыхъ польскихъ одеждахъ и конфедераткахъ, такъ называютъ Поляки свои шапки; но едва только актеры успѣли дойдти до другой стороны сцены, какъ въ публикѣ послышался сначала ропотъ, а потомъ вдругъ раздались дружные, единодушные крики, заглушившіе музыку: «долой Поляковъ! Вонъ Поляковъ! Не надо намъ Поляковъ!» Но артисты не потерялись: они, какъ будто сговорились прежде,

побросали польскія шапки и, подошедъ ближе къ публикѣ, низко поклонились, въ оркестрѣ раздался народный русскій гимнъ, актеры же, представлявшіе Поляковъ и Полекъ, дружно подхватили музыку и «Боже, Царя храни» было пропѣто съ особеннымъ чувствомъ; всѣ зрители въ креслахъ, ложахъ и галлереяхъ вторили актерамъ на сценѣ. При кликахъ ура! и безпрерывныхъ рукоплесканіяхъ гимнъ повторили нѣсколько разъ.»

— «Охъ, жалѣю, что меня въ это время въ Москвѣ не было, сказалъ хозяинъ: я бы кажется тысячи рублей не пожалѣлъ, а ужъ попалъ бы въ театръ!»

— «На другой и на третій день, то есть въ среду и четвергъ, благодарственные молебны служили по всѣмъ церквамъ Московскимъ, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и казармахъ столицы и почти вездѣ въ домахъ дворянскихъ и купеческихъ, а у Иверской Царицы небесной во всѣ эти дни пѣніе молебновъ не умолкало съ ранняго утра до поздняго вечера Въ пятницу совершали молебствіе на купеческой биржѣ. Послѣ молебна биржевые купцы и фабриканты радушно угощали народъ виномъ и закусками, а съ балкона и изъ оконъ Троицкаго трактира кидали яблоки, апельсины, пряники и орѣхи.—Такъ продолжалось до вечера, а клики «*ура! да здравствуетъ нашъ батюшка Царь-Освободитель! и многая лѣта Осипу Ивановичу!*» не умолкали ни на минуту. Но особенно торжественное и умилительное зрѣлище представляла наша Красная площадь

въ субботу, т. е. сегодня. Заранѣе около памятника Минину и Пожарскому противъ Ножевой линіи устроенъ былъ довольно возвышенный амвонъ съ мѣстами для Святыхъ иконъ, украшенный сукномъ и коврами. На этомъ-то амвонѣ въ 12 часовъ по-полудни помѣстилось Духовенство, и Архіерейскимъ служеніемъ совершено благодарственное молебствіе за спасеніе жизни Его Величества Государя Императора, отъ всего рядскаго купечества, торгующаго собственно *въ городѣ*. Народу на площади собралось столько, что яблоку некуда было упасть; но, не смотря на то, въ этой толпѣ царствовало полное благочиніе; за то ужъ послѣ, когда хоругви, и иконы, и Духовенство скрылись за кремлевскими стѣнами, восторгъ публики обнаружился вполнѣ! Радостные клики «ура!» съ бросаніемъ въ воздухъ шляпъ, фуражекъ и шапокъ, совершенно заглушали звуки усиленнаго оркестра военной музыки, игравшей: Боже, Царя храни! Между тѣмъ, какъ многіе изъявляли свою радость цѣлованіемъ другъ друга и прочими сердечными изліяніями, почитатели дешевки направились къ сорокоушкамъ съ этимъ пріятнымъ напиткомъ, которыхъ чуть ли не до десятка разставлено было въ четырехъ или пяти мѣстахъ на площади. Не знаю, что было послѣ, а сначала къ выпивкѣ подходили чинно, безъ малѣйшаго вмѣшательства полиціи, и, выпивъ объемистый стаканъ и получивъ отъ угощавшихъ калачъ или поклеванникъ, отходили тихо и смирно, вѣроятно, къ другимъ мѣстамъ, гдѣ подчивали дешевкой.—Съ площади съ двумя пріятелями пошли мы чайку похлебать, но въ трехъ трактирахъ въ городѣ не нашли ни одного стола сво-

бодваго. Почувствовавъ усталость, я на извощикѣ отправился на квартиру, закусилъ и пустился къ вамъ сообщить вѣсти сначала страшную, а потомъ радостную для всей Руси православной.»

— «Спасибо тебѣ, сынокъ любезный, громко сказалъ отецъ, а потомъ шепнулъ ему на ухо: «за это и я тебя порадую. Лице Леонтья запылало, онъ какъ будто предчувствовалъ чѣмъ его отецъ порадовать хочетъ.

— «Ну, братецъ, я бы на твоемъ мѣстѣ нарочнаго бы прислалъ изъ Москвы...

— «Э, не горюйте, тятенька,—смѣясь сказалъ Леонтій: вотъ погодите, какъ Царь-то Батюшка съ августѣйшимъ семействомъ своимъ къ намъ въ Москву пожаловать изволитъ; тогда-то что будетъ!»

— «Ну, тогда-то меня и на стопудовой цѣпи не удержишь на фабрикѣ!»

— «И меня, и меня,—заговорили гости, вставая и принимаясь за шапки.

— «Нѣтъ, погодите, гости дорогіе, до васъ еще особъ статья есть,—торопливо заговорилъ Терентій Петровичъ, и потомъ пріосанившись подошелъ къ небогатому фабрикантику, низко поклонился ему и сказалъ твердо: «Ѳедоръ Гарасимычъ! у тебя есть товаръ, а у насъ есть купецъ: уступи, братъ, дочь твою Палагею Ѳедоровну за сына моего Леонтья Терентьича;

овъ, сердяга, давно о ней сокрушается! Присоедини, братъ къ общей радости и радость мою, семейную!

Ѳедоръ Гарасимовичъ, какъ, будто озадаченный крѣпко, нѣсколько времени не могъ выговорить ни слова, а Леонтій, прижавшись къ дверной приталки, держалъ платокъ у глазъ.

— «Ну, что же, братецъ, рѣшай скорѣй...

— «Оно вотъ что-съ, заговорилъ наконецъ Ѳедоръ Гарасимычъ дрожащимъ голосомъ: «вы-съ, Терентій Петровичъ, человѣкъ богатый... то есть... купцы-съ, ну а мы, извѣстно... люди махонькіе.

— «Ну, да полно мямлить-то по пустому, друже; говори напрямикъ: любъ тебѣ мой сынъ? согласенъ ты выдать за него дочь твою?

— «Какъ не любъ молодецъ этакой, умница... Ужъ если моей Палагеѣ судьба такая хорошая выпала, такъ съ нашей стороны грѣхъ препятствовать ея счастію».

— «Такъ, значитъ, по рукамъ сватъ! Честнымъ пиркомъ да и за свадебку... Поцѣлуемся сватъ.»

И будущіе сватья обнялись и поцѣловались три раза; Леонтій же въ это время на колѣнахъ ползалъ отъ ногъ отца къ ногамъ будущаго тестя.

— Встань, Лева, обними меня», сказалъ отецъ поднимая сына, а у самого слезы градомъ лились; отецъ съ сыномъ поцѣловались три раза —Тутъ пошли поздравленья и цѣлованья.